

Д. С. Схаляхо¹

ЛЕРМОНТОВ И АДЫГЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ДИАЛОГ И ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ

В статье рассматриваются русско-адыгские литературные связи на примере творчества М. Ю. Лермонтова и С. Хан-Гирея. Путем сличения поэмы «Каллы» русского классика и повести «Черкесские предания» адыгского писателя-просветителя устанавливается, что фабула этих произведений зиждется на адыгской нравоучительной притче «Кто меня выдаст? Разве перекажи-поле!?!». Автор статьи отслеживает, как в поэме «Каллы» и повести «Черкесские предания» творческая индивидуальность М. Ю. Лермонтова и С. Хан-Гирея приобретает самостоятельность в характере освоения фольклорного материала, в результате чего каждый из авторов народный сюжет свободно беллетризует и превращает его в авторское художественное произведение.

Ключевые слова: *взаимопроникновение, сотрудничество, межкультурный диалог, социокультурная среда, инонациональный мир, нравоучительная притча, художественный опыт, сравнительный анализ.*

Кавказская природа, национальное своеобразие быта горских народов и их культуры во все времена весьма благо-склонно воспринимались выдающимися деятелями русской культуры, порою становясь для них источником творческого вдохновения. К числу тех, кто открыл этот незнакомый, далекий, величественный край для русского читателя через свои гениальные произведения относится М. Ю. Лермонтов. Кавказ оставил неизгладимый след в жизни и творчестве поэта. С ним связаны дни изгнаний и странствований поэта, интересные встречи и новые знакомства, богатейший материал жизненных наблюдений и впечатлений. Все это органически слилось и нашло яркое выражение в творчестве поэта.

Тот факт, что литературная деятельность адыгских прогрессивных общественных деятелей развивалась в тот знаме-

¹ СХАЛЯХО Дарико Саферовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. Электронная почта: zuchraguchetl@mail.ru.

нательный в истории русской литературы период, когда его возглавлял А. С. Пушкин и когда в нее вступил М. Ю. Лермонтов, делает межлитературные связи адыгских писателей-просветителей с классиками русской литературы важным звеном не только в плане выявления документальных свидетельств об их взаимоотношениях, но и в плане глубокого текстологического изучения их наследия в сопоставлении с особенностями русского литературного процесса первой половины XIX века.

В поэтике адыгских просветителей, как и у М. Ю. Лермонтова, одним из преобладаний стало свойственное романтизму обращение к инациональному миру. Так же, как классик русской литературы обращался к экзотическому Кавказу, адыгские просветители обогащались за счет восприятия русского художественного опыта. «В эпоху смертельной опасности для своего народа, – пишет Ю. М. Тхагазитов, – в войне, которая грозила этносу полным уничтожением, возникает парадоксальное, но вполне объяснимое культурное сотрудничество, которое нужно рассматривать как осознание необходимости спасения адыгского этноса перед лицом могучего и жестокого врага. Адыгские писатели русской ориентации обращаются к культуре, которая помогла им в решении этой задачи» [5, с. 63]. Это был не субъективный, а нелегкий и осознанный жизненный и творческий их выбор. Благодаря многолетним связям с русской культурой им удалось органически соединить традиции национального фольклора с эстетикой русской литературы.

Яркая страница в истории культурных взаимодействий М. Ю. Лермонтова с адыгами связана с творчеством С. Хан-Гирея, который «принадлежал двум культурам. Исконной для него, разумеется, была культура его предков, однако хорошее владение российской и европейской культурой позволяет ему иметь своего рода двоякое, бинокулярное зрение, рассчитанное на представителей иной социокультурной среды» [4, с. 65]. Прогрессивное развитие адыгского народа он видел в единении достижений национальной духовной культуры с русским художественным опытом и в своем творчестве часто прибегал к этой практике. Примечательно то, что сюжет повести С. Хан-Гирея «Черкесские предания», ставшей на многие годы основным делом его творческой жизни, совпадает

с основной сюжетной ситуацией поэмы М. Ю. Лермонтова «Каллы». Фабула этих произведений зиждется на нравочительной притче «Кто меня выдаст? Разве перекасти-поле!?!». Для обоих произведений она стала идейно-композиционным ядром, явилась формо- и сюжетообразующим компонентом. Сравнительный анализ поэмы русского классика и повести адыгского писателя-просветителя позволит, с одной стороны, выявить огромное влияние Кавказа на романтический период творчества М. Ю. Лермонтова. С другой – раскрыть внутреннюю динамику возникновения и развития литературных традиций адыгского писателя-просветителя, который «находится в поликультурном пространстве, где автор в равной мере владеет устоями и нормами, с одной стороны, исконно адыгского, с другой – российского и европейского этикета и менталитета. Эти обстоятельства и являются предпосылками к созданию ситуации межкультурного диалога как в «Записках о Черкесии», так и в «Черкесских преданиях»... поскольку для достижения ситуации диалога культур необходим, по определению М. М. Бахтина, «эффект вненаходимости», в котором и пребывал» [3, с. 149] С. Хан-Гирей. Попытаемся выявить закономерности формирования эстетической системы адыгского просветителя, своеобразия ее бытования и функционирования в собственной пространственной и национальной среде во взаимодействии с инонациональными системами, с иными художественными и идеологическими воззрениями. Сравнительно-сопоставительный анализ поможет здесь обнаружить и осмыслить этнонациональное своеобразие просветительской литературы в контексте ее контактных связей с инонациональным опытом.

В «Черкесских преданиях» С. Хан-Гирея имя убийцы дано тому действующему лицу, которое соответствует мулле в поэме М. Ю. Лермонтова – Тембулату. Молодому юноше Тембулату коварный Канлы сообщает, что его отец пал жертвой Джембулата (у М. Ю. Лермонтова жертву мести зовут Акбулат) и призывает отомстить за него. И Тембулат осуществляет кровомщение. Как и в поэме М. Ю. Лермонтова, после убийства Джембулата он убивает и подстрекавшего к мщению Канлы. Но если у М. Ю. Лермонтова мотивировка такого поступка героя непонятна, то у С. Хан-Гирея она очевидна: оказывается,

юноша убивает Канлы после того, как он узнает ложность его обвинения.

Очевидны не только сюжетные совпадения поэмы М. Ю. Лермонтова и повести С. Хан-Гирея. Герой, исполняющий роль подстрекателя и роль убийцы в обоих произведениях получает прозвище «канлы» (у М. Ю. Лермонтова ошибочно написанное «каллы»). И они характеризуются у обоих авторов одинаково. У С. Хан-Гирея «смертью соперников он приобрел ужасное звание Канлы (кровавый)» [6, с. 28]. У М. Ю. Лермонтова читаем:

*И он лишь знает, почему
Каллы ужасное прозвание
В горах осталось ему [2, с. 307].*

Эти стилистические фигуры со сходно звучащими словами наглядно подтверждают, что лермонтовская поэма «Каллы» находится в связи с «Черкесскими преданиями» С. Хан-Гирея.

Как и лермонтовскому убийце Акбулата, хангиреевскому Тембулату нелегко было идти на такое преступление. «Тембулат был еще молод, неопытен, – пишет С. Хан-Гирей, – его душа, чистая, как лазурь чистого неба, не подозревала еще в людях ни лютой тигра, ни ядовитой хитрости змеиной» [6, с. 48]. Еще положение Тембулата осложняло то обстоятельство, что Джембулат был его покровителем, ему предстояло убить не просто кровника, а верного друга. Этим и объясняется его нерешительность. Здесь наряду с нравственными понятиями справедливости и правосудия автора занимает представление о дружбе и дружеской верности.

Примечательно, что, как у М. Ю. Лермонтова, и здесь характерна троичность в действиях героя. Однако у С. Хан-Гирея повторяющимся эпизодам не свойственно качественное наращение, они равноценны. При первой встрече предложение Канлы разозлило Тембулата. Он назвал его ядовитой змеей, гнусным убийцей, подлым обманщиком и отказался предать в руки убийцы своего благодетеля, виновного только тем, что принадлежит к роду, провинившегося в смерти отца. Автор подчеркивает религиозное изуверство Канлы, начинающего играть на чувствах молодого человека. Подстроенная при второй встрече возмутите-

лем его спокойствия сцена оживления мертвецов-родителей, потребовавших мести, задела слабую струну врожденного чувства Тембулата, чувства мщения и суеверия. «С детства, – поясняет автор, – он привык слышать, что тела неотмщенных воинов не гниют и выходят из гробов своих звать мщение на голову убийц. Поэтому поверил он теперь, что его отец и мать требуют кровной мести, требуют крови его друга» [6, с. 48].

С. Хан-Гирей показывает страдания юноши, которого преследовали кровью облитая тень отца и проклятия матери. Но при очередной встрече он опять прогоняет не перестававшего напоминать ему проклятия родителей Канлы, «они расстались, разменявшись угрозами и укоризнами. Юноша провел ночь на страже своего благодетеля, но то была последняя услуга его другу, последняя минута, в которую одержал он победу над обуревавшими дух его страстями; последовавшие дни страсти помрачили рассудок его ужасной решимостью, и злодейство восторжествовало над его совестью» [6, с. 83]. Тембулат не устоял перед хитростью и коварством Канлы и в иступленно-восторженном состоянии, когда его религиозный фанатизм достиг высшей напряженности, убил друга. В этом сказались незрелость, с одной стороны, и страстность, с другой, характера героя, которым и воспользовался инспиратор.

В обоих произведениях – в поэме М. Ю. Лермонтова «Каллы» и в повести С. Хан-Гирея «Черкесские предания» – ужас содеянного приводит героев к сумасшествию. На этом лермонтовская поэма завершается, а у С. Хан-Гирея Тембулат, женившийся на вдове Джембулата, в безрассудстве признается ей о совершенном злодеянии, и она казнит его. Как видим, зло порождает зло. «К несчастью, – пишет С. Хан-Гирей, – обыкновенный порядок дел в нашем мире не чужд зла. Но утешимся. Высочайшая премудрость невидимою рукою рано или поздно наказывает злодеяния» [6, с. 90]. Здесь смысл мести в трактовке С. Хан-Гирея заключается в справедливом наказании за совершенное чудовищное преступление. Мечь злодею – действие правое, и национальное восприятие этого слова ясно и зримо указывает на непоколебимость закона: злодей должен быть наказан.

Таким образом, сличение поэмы М. Ю. Лермонтова «Каллы» и повести С. Хан-Гирея «Черкесские предания» подтверж-

дает, что оба писателя отталкивались от одного фольклорного материала, в котором утверждается неизбежность наказания за совершенное злодеяние. Обобщающая мораль притчи – «не жди добра в ответ на зло» – нашла своеобразную художественную иллюстрацию и в поэме М. Ю. Лермонтова и в повести С. Хан-Гирея. На это нацелило авторов тематическое содержание притчи. По-адыгски этот жанр словесного искусства называется «гъэсэпэтхыд», что можно перевести на русский язык как «нравоучительное сказание». В самом названии прямолинейно подчеркивается общественная функция и бытовое назначение жанра: из нее слушатели должны извлечь для своего нравственного совершенствования поучительные сентенции, т. е. урок на будущее. Глубина идейно-тематического содержания и особенности поэтики произведений М. Ю. Лермонтова и С. Хан-Гирея обусловлены этой морально-дидактической, назидательной направленностью поучающей мысли, заключенной в притче. Но если сюжет лермонтовской поэмы прост и лаконичен и действие в нем происходит динамично, без отступлений и задержек, то «в повести Хан-Гирея народная легенда разрастается в широкое историческое полотно, иллюстрирующее положение адыгов во время нашествия на их землю крымского хана и, в частности, борьбу жанинского племени против насилия и гнета крымцев, борьбу неравную и жесткую, закончившуюся почти полным уничтожением этого некогда могущественного племени. Личные судьбы героев тесно переплетены с этими драматическими событиями в жизни народа» [7, с. 24].

Получается так, что М. Ю. Лермонтов на базе одной притчи исследует интересующую его проблему сосуществования и противоборства добра и зла и называет свою поэму именем, характеризующим носителя качеств одной из сторон этой проблемы. А повествование С. Хан-Гирея зиждется не на одной лишь притче «Кто меня выдаст? Разве перекаати-поле!?!». Повесть «Черкесские предания» представляет собой широкий эпический сюжет, распадающийся на несколько ветвей, низанных на композиционный стержень старинной притчи. Хоть притча и является формообразующей основой повести, ее сюжет основывается на исторических преданиях, правдиво рассказывающих о достоверных событиях и фактах из жиз-

ни одного из племен адыгского народа, на что красноречиво указывает и название произведения.

Подобно адыгским преданиям, характерной особенностью которых является циклизация нескольких сказаний вокруг одного героя, повествование С. Хан-Гирея выстраивается как цикл хабаров¹. Поэтому в жанровом отношении М. Ю. Тхагазитов и видит «типологическое сходство структуры «Черкесских преданий» и романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», представляющего собой цикл повестей и одновременно художественную целостность повествования» [5, с. 86]. Правда, «Герой нашего времени» состоит из нескольких самостоятельных произведений, каждое из которых имеет свой предмет анализа и осмысления. Но в целом роман представляет собой сюжетно-композиционно, идейно и духовно законченное яркое художественное произведение. Художественное новаторство, проявленное С. Хан-Гиреем в «Черкесских преданиях», заключается в том, что «писатель широко вводит автора-повествователя, наделяя его многообразными функциями. От лица автора-повествователя вводятся в текст этнографические материалы, описания страстей и переживаний, он выступает как спутник и собеседник персонажей... Впервые в адыгских литературах появляется субъективное повествование от первого лица, а это в свою очередь приведет к попыткам создания драматургической структуры, включенной в ткань эпического повествования» [5, с. 83–84].

В «Черкесских преданиях» хабары тесно связаны, плотно вплетены в основной сюжет и несут необходимую идейно-художественную нагрузку, всецело определяемую замыслом, являющимся первоосновой притчи «Кто меня выдаст? Разве перекажи-поле!?!». Вставные предания двигают и развивают ее сюжет. Так что повесть С. Хан-Гирея отличается от лермонтовской поэмы не только художественной формой, но и своим содержанием. В повести ведется более обстоятельный и конкретный рассказ о событиях и их участниках. Например, в «Черкесских преданиях» автор, иллюстрируя столкновение

¹ Хабар (новелла) – прозаическое произведение реалистического характера, отличающееся экспрессивностью и лаконичностью повествования. По своему генезису, общественной функции и бытовому назначению он близок к народным преданиям.

Тембулата и Джембулата, рассказывает и его причины, и ход события, и его последствия, тогда как лермонтовская поэма о том же событии повествует лишь о развитии конфликта между муллою и Акбулатом. И описание хода событий в них не идентично. Если С. Хан-Гирей борьбу героев осложняет любовной интригой, следуя действиям, событиям, в которых раскрывается содержание притчи, то М. Ю. Лермонтов ограничивается лишь мотивом кровомщения. При этом героям лермонтовской поэмы свойственна индивидуализация черт характера персонажей, как героям литературного произведения. Своеобразие действий и поступков персонажей, разработка деталей в обрисовке обстановки и действий героев создают их индивидуальные черты. С. Хан-Гирей, сохраняя концепцию, содержащуюся в притче, усилил ее идейную направленность, значительно расширил и обогатил ее за счет включения в нее мифологических и исторических историй, большого числа фольклорно-этнографических материалов, философских и лирических рассуждений и пояснений. Таким образом, фольклорность как основная черта духовных истоков и поэмы М. Ю. Лермонтова, и повести С. Хан-Гирея обнаруживается не только на уровне идейного содержания, но и в организации сюжета, реализации жанровых и композиционных возможностей жизненного материала и освоении продиктованного этим материалом конфликта.

Воздавая должное своеобразию подхода русского классика к инонациональному духовному опыту, следует подчеркнуть, что для С. Хан-Гирея художественное мировидение адыгов не чуждый, а возникший с ним, являющийся содержанием его жизни, образом мыслей и поведения, смыслом и оправданием его бытия, близкий ему мир. Хотя художественное исследование выработанных веками этикетных норм и нравственных идеалов реализуется у С. Хан-Гирея через любовную историю своих героев, за внешней оболочкой сюжетных линий, раскрывающих события, разворачивается у него напряженный художественный анализ национальной философии и мировидения адыгов посредством углубления в национально-нравственные, психологические основы мыслей, действий, поступков героев. Ибо проблема «этнической идентификации образа адыга-черкеса, понимание его человеческого мира связано с

осмыслением духовной культуры народа, сформировавшей его мир» [1, с. 41]. Обращение к традициям, культуре, этикету, общественным институтам позволяет автору выявить в многовековом опыте народа истоки национального характера, национальной психологии. Поэтому национальное начало у него оказалось значительно сильнее и выше уровня фольклорного влияния, испытанного М. Ю. Лермонтовым. Это и придало повести С. Хан-Гирея, обогащенной смыслом и духом национального художественного слова, воплотившей в себе историю, нравы, психологию, философию и моральный кодекс, мировидение народа, ярко выраженную практическую и публицистическую направленность.

В соответствии с идейно-эстетическим содержанием повести герои С. Хан-Гирея, в отличие от персонажей М. Ю. Лермонтова, делятся на положительных, которые преследуют добрые цели и в открытой борьбе добиваются их осуществления, и отрицательных, наделенных неприглядными чертами. Это разделение героев у С. Хан-Гирея основывается на том, как они готовы к самопожертвованию в интересах отечества. Отсюда вытекает и основная тема повести – это тема Родины. С первых же страниц повести словами князя-старшины автор заявляет: «Смерть для всех одинаково неизбежна, но счастлив тот, друзья мои, кто смертью своей достойную жертву отечеству приносит!» [6, с. 26]. Если у М. Ю. Лермонтова Акбулат показан просто жертвой, в повести С. Хан-Гирея Джембулат представлен мужественным воином, преданным своей Родине. Так, в порыве страсти и любви к избраннице, он заявляет: «В любви к отечеству я люблю бога, люблю мою честь, спокойствие моей совести; украшаюсь высочайшим достоинством человека, а в любви к женщине, мы любим самих себя, ищем суетного временного блага мимолетного, как красота и верность женщины, как счастье... Отчизне грозит опасность – я пойду навстречу опасности, навстречу смерти, но не для тебя, гордая женщина, не из любви к тебе, а для блага и славы Родины [6, с. 59]. Джембулат наделен лучшими социальными и моральными качествами, делающими его подлинно народным героем: мужественен, патриотичен, верен долгу, добр, правдив и т. д. Здесь присутствуют фольклорные приемы эпической идеализации, с помощью которых автор и создает

образ идеального героя, преисполненного стремления пожертвовать собственным благополучием, личным счастьем, жизнью во имя независимости Родины. «В образе Джембулата, – пишет Р. Х. Хашхожева, – С. Хан-Гирей воплотил свой нравственно-этический идеал. Своим благородством, мужеством и стойкостью в различных жизненных ситуациях, беззаветной преданностью интересам родины, высоким пониманием воинского долга он возвышается монументом над своим сословием, напоминая ему, каким должен быть дворянин» [7, с. 25].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что и поэма М. Ю. Лермонтова, и повесть С. Хан-Гирея базируются на общем фольклорном материале. Но каждый из авторов народный сюжет свободно беллетризует и превращает его в авторское художественное произведение. В поэме «Каллы» и повести «Черкесские предания» творческая индивидуальность М. Ю. Лермонтова и С. Хан-Гирея приобретает самостоятельность в характере освоения фольклорного сюжета. Фольклорная образность под пером талантливых писателей переплавляется в глубину, точность, широту многочисленных поэтических обобщений, драматизацию образа, конкретность историзма, философичность и психологизм национального свойства, вследствие чего произведение словесного искусства обретает все признаки подлинно литературного творения. Таким образом, создавалась не только общность историческая, но и общий тип художественного мышления, литературного развития.

Использованная литература:

1. Бекизова Л. А. Концепция человека в адыгской эпической традиции // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: Матер. VII междунар. науч. конфер. Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2010. С. 39–44.

2. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1988. Т. 1.

3. Степанова Т. М. Автобиографическая проза Исхака Машбаша. Майкоп: Полиграф-Юг, 2014.

4. Степанова Т. М. Международный диалог и выражение авторской позиции в «Записках о Черкесии» С. Хан-Гирея // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: Матер. VII междунар. науч. конфер. Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2010. С. 149.

5. Тхагазитов Ю. М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1994.

6. Хан-Гирей С. Черкесские предания // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1986. С. 22–90.

7. Хашхожева Р. Х. Хан-Гирей. Жизнь и деятельность // Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик: Эльбрус, 1989.

LERMONTOV AND ADYGHE LITERATURE: DIALOGUE AND MUTUAL ENRICHMENT

SKHALIAKHO, Dariko – PhD (Philology), Leading Researcher,
T. Kerashev Adyghei Republican Institute of Humanitarian Studies
E-mail: zuchraguchetl@mail.ru

The article considers Russian-Adyghe literary links on the example of the works by M. Lermontov and S. Khan Girey. By comparison of the Russian classic poet's poem "Calla" with the Circassian writer-enlightener's novel "The Circassian Legends" it is established that the plot of the both works is based on the Circassian moral parable "Who may betray me? Probably just tumbleweeds!?" The author observes how M. Lermontov's and S. Girey's creative individualities independently assimilate the folklore material, turning it into an individual belletristic piece.

Keywords: *interpenetration, cooperation, intercultural dialogue, socio-cultural environment, foreign world, moral parable, literary experience, comparative analysis.*

References:

1. Bekizova, L. Kontsepciya cheloveka v adygskoy epicheskoy traditsii (The human concept in Adyghe epic tradition) // Aktualnye problemy obshchey i adygskoy filologii: Mater. VII mezhdunar. nauch. konfer. Maikop: Izd-vo Adygeiskogo gos. un-ta, 2010. S. 39–44.

2. Lermontov, M. *Sochineniya: v 2-kh t.* (Works in two vols.). M.: Pravda, 1988. T. 1.

3. Stepanova, T. *Avtobiograficheskaya proza Iskhaka Mashbasha* (Iskhak Mashbash's autobiographic prose). Maikop: Poligraf-Yug, 2014.

4. Stepanova, T. *Mezhdunarodny dialog i vyrazhenie avtorskoy pozitsii v "Zapiskah o Cherkesii" S. Khan-Gireya* (International dialogue and expression of the author's position in S. Khan-Girey's Notes of Circassia) // Aktualnye problemy obshchey i adygskoy filologii: Mater. VII mezhdunar. nauch. konfer. Maikop: Izd-vo Adygeiskogo gos. un-ta, 2010. S. 149.

5. Tkhagazitov, Yu. *Dukhovno-kulturnye osnovy kabardinskoy literatury* (Spiritual and cultural foundations of Kabardian literature). Nalchik: Elbrus, 1994.

6. Khan-Girey, S. *Cherkesskie predaniya* (Circassian legends) // Shagi k rassvetu. Adygskie pisateli-prosvetiteli XIX veka. Krasnodar: Krasnodarskoe kn. izd-vo, 1986. S. 22–90.

7. Khashkhozheva, R. *Khan-Girey. Zhizn i deyatelnost* (Khan-Girey. Life and work) // Khan-Girey, S. *Cherkesskie predaniya* (Circassian legends). Nalchik: Elbrus, 1989.

Л. П. Голикова¹, М. В. Шаройко²

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ И КОСТА ХЕТАГУРОВ: ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ И ТРАДИЦИИ РОМАНТИЗМА

В статье рассматривается влияние произведений и мировоззрения М. Лермонтова на творчество осетинского поэта К. Хетагурова. Отмечена многогранность романтизма поэтов, рассмотрены стихотворения, посвященные М. Лермонтову, более обстоятельно проанализирована поэма осетинского поэта «Фатима» с точки зрения заявленной проблематики.

Ключевые слова: традиции русской литературы, романтические тенденции, этнокультурная специфичность, духовное единство горских и русского народов, поэма К. Хетагурова «Фатима».

Мировоззрение К. Хетагурова формировалось под влиянием демократических идей русской литературы. «Я вырос с русскими», – напишет он в стихотворении «Прислужник», и это будет констатацией факта: пятнадцать лет жизни его прошло в России, в русских учебных заведениях, без каких-либо контактов с осетинской действительностью [5, с. 7]. В стихах, написанных в память о дорогих ему русских поэтах – М. Лер-

¹ ГОЛИКОВА Лариса Порфирьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: larisa.golikova@mail.ru.

² ШАРОЙКО Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: ma-ra@bk.ru.